

ПЕРВЫЙ биограф Пушкина П. В. Анненков обнаружил в бумагах поэта два черновых письма, не имевших ни даты, ни обращения. По содержанию Анненков отнес их соответственно к 1821 и 1823—1824 годам и опубликовал в книге «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» (1874), назвав в качестве предполагаемого адреса первого письма Каменку, имени Раевских — Давыдовых. Позже оба письма стали относиться к А. Н. Раевскому. В 1908 году Б. Л. Модзалевский напечатал первое письмо в томе «Архива Раевских», но не заставил усомниться в имени Раевского, ибо если предположить, что оба письма относятся к одному и тому же лицу (а это явствовало из содержания), то Раевский им быть не мог, поскольку в то время, которым датировалось второе письмо, жил, как и Пушкин, в Одессе.

В 1909 году Н. О. Лернер в «Русской старине» предложил новое имя — Василия Львовича Давыдова. Доводы были скорее психологического, чем документального порядка, но свидетельства о тонкости и наблюдательности. Так, Лернер утверждал: «Лицо, которому писал Пушкин, очевидно, разделяло взгляды поэта, делившегося с ним не только сведениями, но и чувствами, и, вероятно, даже само просило друга сообщать о ходе греческих дел». И не скрывал, что указание Анненкова на каменского адресата лишь догадка.

Между тем представляется возможным предположить иное лицо адресата пушкинских писем, сразу же вырастающих в своем значении. Лицо это — декабрист Михаил Федорович Орлов. Тот самый Орлов, что сказал о себе: «...мне кажется, я первый задумал в России план тайного общества». Тот Орлов, что в августе 1812 года на просьбу Наполеона передать мирные предложения русскому командованию ответил, что он лично «не верит в возможность мира до тех пор, пока французы остаются в России». Тот Орлов, который 19 марта 1814 года составил и подписал от имени русского правительства акт о капитуляции Парижа.

Новая гипотеза требует прежде всего уточнить конкретные обстоятельства, связанные с временем и местом написания пушкинских писем. Напомним начало первого письма (из Кишинева), датируемого теперь первой половиной марта 1821 года:

«Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греция восстала и провозгласила свою свободу. Теодор Владимиреско, служивший некогда в войске покойного князя Ипсиланти, в начале февраля нынешнего года вышел из Бухареста с малым числом вооруженных арнаутов и объявил, что греки не в силах более выносить притеснений и грабительства турецких начальников, что они решились освободить себя от ига незаконного, что намерены платить только подати, наложенные правительством. Сия прокламация встревожила всю Молдавию. Князь Суццо и русский консул напрасно хотели удержать распространение бунта — пандуры и арнауты отовсюду бежали к смелому Владимиреско — и в несколько дней он уже начальствовал 7000 войскам.

С 1820 года генерал Орлов, назначенный командиром 16-й дивизии, живет в Кишиневе и тесно общается с Пушкиным, прибывшим сюда в ссылку. Всякий день Пушкин в доме Орлова, близко сходится с офицерами его штаба и гостившим у генерала братом Федором Орловым.

В 20-х числах ноября Пушкин и Орлов порознь приезжают в Каменку. Пушкин остается на Украине на всю зиму и лишь в конце февраля 1821 года через Одессу пускается в обратный путь, достигнув Кишинева в начале марта. Михаил Орлов, уполномоченный быть на съезде Союза благоденствия в Москве, воротился из Каменки в Кишинев к середине декабря 1820 года, перед самым новым годом выехал в Киев, где сделал предложение старшей дочери генерала Раевского — Екатерине. Не получив сразу окончательного ответа, в первых числах января 1821 года он поспешил в Москву на съезд и выступил там с поразившей всех «максималистской программой». Большинство участников съезда не приняло призывов Орлова к немедленным действиям. Однако самые близкие к нему люди понимали, что Орлов ставит свою программу в зависимость от каких-то событий, канун которых он остро предвидел. 12 февраля 1821 года Орлов опять в Киеве, он просит в своем письме сестру простить его за то, что не заехал к ней из Москвы в Ярославль: «...нетерпение узнало исход моего предложения заставило меня спешить обратно». 3 марта Орлов все еще в Киеве, он в записке извещает невесту, что Пушкин не увез с собою книгу «Говорящие животные» Касты, а эта книга должна быть в казарме» (то есть ее необходимо вернуть в Кишинев в казармы 16-й дивизии, откуда она была взята). Стало быть, Пушкин

сообщил с дороги Орлову о своей оплошности и просил захватить забытую книгу. Орлов выехал из Киева 4 или 5 марта и, так как они недавно расстались, пишет невесте 9 марта из Дубоссар совсем коротко:

«Любезный друг, посылаю вам письмо, полученное мною на дороге, со всеми подробностями Валахского возмущения. Журнал сделан день за день и вы можете следовать за каждым шагом одного дела.

Я приехал в Дубоссары, и лед меня здесь остановил.

Спешу закончить это письмо и сказать вам, что вас люблю от души и любить буду целую мою жизнь, как бы она долга ни была.

Письмо дайте прочитать всем вашим, а потом запечатайте вместе с пакетом на имя графини Орловой и отправьте в Москву».

Ясно, что послать в Москву после прочтения всеми Раевскими и Давыдовыми следует письмо, полученное на дороге. Даже вместе с пакетом, в котором оно находилось. Орлов называет его журналом, сделанным «день за день».

Но ведь именно обширное письмо Пушкина и есть такой журнал, последовательно излагающий события в молдавских провинциях:

«21 февраля генерал князь Александр Ипсиланти с двумя из своих братьев и

ГИПОТЕЗЫ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ, ДОГАДКИ

Татьяна ГАЛУШКО

ПИСЬМА, ПРОЧИТАННЫЕ ЗАНОВО

КОМУ АДРЕСОВАНЫ СТРОКИ ПУШКИНА О ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

с князем Георгием Кантакузеном — прибыл в Яссы из Кишинева, где оставил он мать, сестер и двух братьев. Он был встречен тремястами арнаутов, князем Суццо и русским консулом и тотчас принял начальство города...

В Яссах все спокойно. Семеро турков были приведены к Ипсиланти и тотчас казнены — странная новость со стороны европейского генерала. В Галацах турки в числе 100 человек были перерезаны; двенадцать греков также убиты...

Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — к независимости древнего отечества. В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах — везде собирались толпы греков, все продавали за ничто имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливца Ипсиланти...

Необычайно важно для нас и письмо М. Ф. Орлова к невесте от 21 марта из Кишинева:

«...Вы должны быть довольны моей точностью в известиях о здешнем крае. Не смейтесь над Ипсилантием. Тот, кто кладет голову за отечество, всегда достоин почтения, каков бы ни был успех его предприятия. Впрочем, он не один... Из моих писем вы все знаете, но прошу вас их не разглашать, особливо сие последнее и предыдущее. То есть те вещи, которые не требуют разглашения, как, например, образ действия и создание тайного общества и участие наших вельмож в оном» (выделено мною. — Т. Г.).

А ведь о структуре тайного общества «Филики Етерия», об А. Ипсиланти, о других вельможах говорится в письме Пушкина:

«Должно знать, что уже тридцать лет составилось и распространилось тайное общество, коего целью было освобождение Греции. Члены общества разделены на три степени... Низшую степень составляла военная сила, вторую — граждане, члены сей степени имели право каждый приписать себе товарищей — но не воинов, которых избирала только третья, высшая степень. Ты видишь простой ход и главную мысль сего общества, которого основатели еще неизвестны... Отдельная вера, отдельный язык, независимость книгопечатания, с одной стороны просвещение, с другой глубокое невежество — все покровительствовало вольнолюбивым патриотам — все купцы, все духовенство до последнего монаха считалось в обществе, которое ныне торжествует...»

Пушкин спешит сообщить все, что узнал. Он, конечно, не осведомлен о степени близости Орлова к греческому движению, о тайных переговорах, которые вел Орлов с Александром Ипсиланти в ноябре—декабре 1820 года, переговорах, давших ему возможность столь решительно и резко выступать в Москве. Между тем Александр Ипсиланти, сын господара Валахии Константина Ипсиланти, эмигрировавшего в Россию в начале русско-турецкой войны 1806—1812 годов, мог почитаться именно русским вельможей. Он попал в Россию ребенком. Служил в кавалергардском полку вместе с М. Орловым. Участвовал в Отечественной войне, в бою потерял руку.

Пушкин встречал А. Ипсиланти в доме Орлова, пристально наблюдал за ним и, возможно, догадывался, что существуют у этих людей не только общие воспоминания, но и общие намерения.

В 1975 году С. С. Ланда опубликовал сообщение греческой историкой И. Филимона, современника и свидетеля со-

бытий: «В то время генерал Михаил Орлов был командиром размещенного у Прута авангарда... Находясь с Орловым в дружеских отношениях и будучи вполне уверен в его либеральных чувствах, Ипсиланти откровенно объяснил ему, в чем заключались его цели относительно Греции, и усиленно добивался, чтобы тот со всеми войсками, которыми командовал, участвовал в переходе через Прут».

Для Орлова этот поход был бы только частью дела, началом общероссийской бури. Еще в 1820 году Орлов писал будущему шуруину А. Раевскому: «Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить».

Если наши предположения верны, то письмо Пушкина — сигнал Орлову о начале событий. Известен случай, когда Пушкин оказывался вестником и опережал людей, непосредственно участвовавших в событиях. Так, он предупредил об аресте майора В. Ф. Раевского и тем самым помог ему подготовиться и сжечь бумаги. В доме Инзова поэт имел доступ к секретным донесениям, знал о близости Инзова с главными руководителями Етерии.

Пушкин был уверен, что если дивизия Орлова выступит в поход, он не останется в Кишиневе. 23 марта 1821 года он намекает Дельвигу в письме: «Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию — есть страны благословеннее. Праздный мир не самое лучшее состояние жизни». И на следующий день — Гнедичу: «Не скоро увижу я вас; здешние обстоятельства пахнут долгой, долгой разлукой».

Характерная особенность. Черновое письмо к неизвестному адресату писано по-русски. Орлов особенно ратовал за то, чтобы русские люди владели письменной русской речью. Не щадил и себя. Вяземского просил: «Сделай одолжение, ежели найдешь какой-нибудь галлицизм или много галлицизмов, то уведоми меня. Прииму с благодарностью и на другой раз остерегусь». А Раевского предупреждает, что хотел бы видеть его письма написанными по-русски, и хвалит за выполнение этой просьбы.

Остается еще один вопрос: мог ли Пушкин обращаться к Орлову на «ты»? Мемуары Липранди, Горчакова, Вельмана, записи Бартенева доносят до нас лишь голос Орлова, всегда говорившего Пушкину «ты». Но вот в письме Пушкина к Вяземскому от 2 января 1822 года есть строчка: «Пишу тебе у Рейна — все тот же он, не изменился, хоть и женился». Видимо, в интимной дружеской обстановке Пушкин называл Орлова «карзамасской» кличкой Рейн, и это подразумевает «ты».

А как обстоит дело со вторым письмом Пушкина, наиболее вероятная дата которого — июль 1824 года? Можно ли и его отнести к Орлову? Ведь пушкинцы пришли к выводу, что оба письма имеют одного адресата.

На первый взгляд, концы с концами не сходятся. Считается, что летом 1824 года Орлов жил, как и Пушкин, в Одессе. Известен его шутиливый отзыв о поездке Пушкина на саранчу. Однако он оставался в Одессе лишь до 7 июня, затем уехал в Москву, а оттуда в свое Милатино. 24—25 июня Пушкин в письме к Вяземскому очень резко отзывался о греческих делах. И продолжает: «Ты скажешь, что я переменял свое мнение. Приехал бы ты к нам в Одессу посмотреть на соотечественников Мильтиада и ты бы со мною согласился».

Вяземский в Одессу приехать не мог, но, переживая как личную утрату гибель в Греции Байрона, вероятно, впрямь был поражен разницей чувств Пушкина в 1821 и 1824 году, а потому обратился к своему близкому другу Михаилу Орлову, только что из Одессы явившемуся, показав пушкинское письмо. Видимо, реакция Орлова, сообщенной Пушкину то ли В. Ф. Вяземской, жившей в Одессе, то ли А. Раевским, с которым Орлов состоял в постоянной братской переписке, и вызвала письмо поэта. Оно тоже написано по-русски и сохранилось лишь в черновике.

«С удивлением слышу я, что ты почтительно меня врагом освобождающей Греции и поборником турецкого рабства. Видно, слова мои были тебе странно перетолкованы. Но что ты тебе ни говоришь, ты не должен был верить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа. Жалея, что принужден оправдываться перед тобою, повторю и здесь то, что случилось мне говорить касательно греков.

Люди по большей части самолюбивы, беспонятны, легкомысленны, невежественны, упрямые; старая истина, которую все-таки не худо повторить. Они редко терпят противоречие, никогда не прощают неуважения; они легко увлекутся пылными словами, охотно повторяют всякую новость; и, к ней привыкнув, уже не могут с нею расстаться (Пушкин тотчас отчеркнул написанный абзац, видимо понимая, что от покаяния перешел к обвинениям и это может вызвать новые обиды. — Т. Г.).

Когда что-нибудь является общим мнением, то глупость общая вредит ему столь же, сколько единодушие ее поддерживает. Греки между европейцами имеют гораздо более вредных поборников, нежели благоразумных друзей. Ничто еще не было столь нарочно, как дело греков, хотя многие в их политическом отношении были важнее для Европы».

На этом черновик обрывается. Было ли отослано письмо? Какие чувства вызвало? Для Орлова Етерия была героическим шансом, который остался нереализованным. А Пушкин мог оказаться в Греции раньше Байрона. Ведь сообщал же о нем историк М. П. Погодин: «Говорят, что Кишиневец печатает новую поэму «Пленики». Кстати, я слышал от верных людей, что он ускользнул к грекам».

Письма 1821 и 1824 года написаны не просто к единомышленнику, но к действующему лицу событий, которые могли стать поворотным моментом в истории русских тайных обществ. Таким лицом, к которому столь близко стоял тогда Пушкин, был только один Михаил Орлов, имя которого представляется возможным ввести в число корреспондентов поэта.